

УДК 82.09 (73)

ЭРОС И ТАНАТОС
В СТИХОТВОРЕНИИ У.Х. ОДЕНА «1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА»

А.А. НИКИФОРОВ
(Полоцкий государственный университет)

Анализ стихотворения У.Х. Одена «1 сентября 1939 года» в свете Эроса и Танатоса как элементов концепции культуры З. Фрейда. Рассматривается реализация модели инстинкта смерти и инстинкта жизни в поэтическом тексте.

September 1, 1939 W.H. Auden

I sit in one of the dives
On Fifty-second Street
Uncertain and afraid
As the clever hopes expire
Of a low dishonest decade:
Waves of anger and fear
Circulate over the bright
And darkened lands of the earth,
Obsessing our private lives;
The unmentionable odour of death
Offends the September night.

Into this neutral air
Where blind skyscrapers use
Their full height to proclaim
The strength of Collective Man,
Each language pours its vain
Competitive excuse:
But who can live for long
In an euphoric dream;
Out of the mirror they stare,
Imperialism's face
And the international wrong.

From the conservative dark
Into the ethical life
The dense commuters come,
Repeating their morning vow;
"I will be true to the wife,
I'll concentrate more on my work."
And helpless governors wake
To resume their compulsory game:
Who can release them now,
Who can reach the deaf,
Who can speak for the dumb?

Accurate scholarship can
Unearth the whole offence
From Luther until now
That has driven a culture mad,
Find what occurred at Linz,
What huge imago made
A psychopathic god:
I and the public know
What all schoolchildren learn,
Those to whom evil is done
Do evil in return.

Faces along the bar
Cling to their average day;
The lights must never go out,
The music must always play,
Ah the conventions conspire
To make this fort assume
The furniture of home;
Lest we should see where we are,
Lost in a haunted wood,
Children afraid of the night
Who have never been happy or good.

All I have is a voice
To undo the folded lie.
The romantic lie in the brain
Of the sensual man-in-the-street
And the lie of Authority
Whose buildings grope the sky:
There is no such thing as the State
And no one exists alone;
Hunger allows no choice
To the citizen or the police;
We must love one another or die.

Exiled Thucydides knew
All that a speech can say
About Democracy,
And what dictators do.
The elderly rubbish they talk
To an apathetic grave;
Analysed all in his book,
The enlightenment driven away.
The habit-forming pain,
Mismanagement and grief:
We must suffer them all again.

The windiest militant trash
Important Persons shout
Is not so crude as our wish:
What mad Nijinsky wrote
About Diaghilev
Is true of the normal heart;
For the error bred in the bone
Of each woman and each man
Craves what it cannot have,
Not universal love
But to be loved alone.

Defenceless under the night
Our world in stupor lies;
Yet, dotted everywhere,
Ironic points of light
Flash out wherever the dust
Exchange their messages:
May I, composed like them
Of Eros and of dust.
Beleaguered by the same
Negation and despair,
Show an affirming flame.

Программное стихотворение Уистана Хью Одена «1 сентября 1939 года», отсылающее к началу второй мировой войны, «начинается унынием и кончается верой» [1]. Известно, что Оден в свое время, в 20 - 30-е годы, то есть в период, предшествовавший славе, находился под сильным влиянием психоаналитической теории Фрейда, переосмысление которой отразилось в некоторых произведениях поэта. Поэтому кажется наиболее справедливым рассмотреть данное стихотворение именно под углом зрения фрейдистской концепции культуры, взяв за основу основные ее понятия «Эрос» и «Танатос», то есть инстинкт жизни и инстинкт смерти.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу стихотворения, приведем несколько вводных замечаний, ограничивающих и уточняющих предмет исследования. Во-первых, для интерпретации мы будем пользоваться исключительно фрейдистским толкованием понятий Эроса и Танатоса, исключив философские концепции жизни и смерти, теорию деструктивности С. Шпильрайн и разработки современной российской танатадогии (К.Г. Исупов, А.В. Демичев, М.С. Уварова и др.). Во-вторых, мы не будем ис-

пользовать работы по психологии масс, так как рассмотрение стихотворения Одена в подобном контексте заслуживает самостоятельного исследования, основанием для которого может служить настоящая статья. В-третьих, для анализа «1 сентября 1939 года» за основу возьмем первый вариант стихотворения [2, с. 392 - 396] с подстрочным переводом (А.Н.), так как художественный перевод А. Сергеева не передает некоторых существенных для интерпретации моментов.

Некоторые исследователи, в частности, Джеймс Миллер [3, с. 115 - 116], склонны анализировать это стихотворение в свете гомосексуальности Одена (что может показаться, на первый взгляд, тесно связанным с понятием Эроса*), проецируя «неуверенного и испуганного» лирического героя, которого война застала в нью-йоркской «забегаловке», на Одена, якобы прячущегося там по причине своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Ключевой отсылкой для Миллера в данной интерпретации становится аллюзия на отношения Дягилева и Нижинского, упомянутые, как окажется, с совсем иной целью.

Итак, для начала небольшой экскурс в необходимые для нашей интерпретации понятия концепции культуры З. Фрейда [4, с. 201 - 255]. Противоборствующие силы всякой живой материи, влечение к смерти и влечение к жизни были перенесены Фрейдом в сферу психической деятельности человека. Представляя инстинктивный аппарат, эти «естественные» начала противостоят «культурной» репрессии. В культуре невозможно полностью удовлетворить ни эротические, ни деструктивные влечения. Вот почему человек, согласно Фрейду, несчастен в культуре, вот почему всякая культура - враг человека. Уделяя большее внимание в своих поздних культурологических трудах агрессивному инстинкту, Фрейд рассуждает о феномене войны и попытках ее предотвращения.

Таким образом, целью нашего анализа является поиск в стихотворении отсылок к теории Фрейда и рассмотрение модели Эроса и Танатоса в поэтическом тексте.

Стихотворение «Первое сентября» затрагивает многие темы: от фашизма до возможности «универсальной любви»; однако в свете строгого дуализма, присущего Фрейду, оно видится рассуждением об Эросе и Танатосе на двух уровнях: на уровне психики отдельного человека и общества в целом. В данной связи может показаться справедливым формалистское разделение содержательных слоев стихотворения на макромир, представляющий землю, охваченную войной, и микромир, представляющий душевную сферу одного человека.

Первая строфа. Это разделение заявлено уже в первой строфе, где «неуверенный и напуганный» посетитель бара чувствует «запах смерти», идущий от «волн злости и страха, циркулирующих над яркими и затемненными странами». Но все стихотворение доказывает, что это умозрительное разделение намеренное, что цель его, по-видимому, в том, чтобы подчеркнуть, что все сказанное в последующих строфах относится равно и к обществу, и к человеку.

Вторая строфа. Первая косвенная отсылка к Фрейду появляется в конце второй строфы: «...все школьники знают, / кому причиняют зло, / зло причиняет в ответ». На первый взгляд, это сильно напоминает один из законов физики о силе действия равной силе противодействия, но присутствие здесь этической категории отсылает непосредственно к фрейдистскому толкованию зла в человеке. Человек склонен причинять вред другому только потому, что в противном случае ему придется направить собственную агрессию внутрь. Мысль, конечно, не нова, недаром знакомство с ней происходит еще в школе. Эти строки Одена являются, в сущности, парафразом фрейдистского заключения: зная о своей способности к злу, мы с полной уверенностью можем подозревать ее наличие у других. Речь здесь идет как о личности, так и о государстве.

Третья строфа. Критику демократии в ее неспособности противостоять фашизму Оден усиливает отсылкой к Фукидиду [5, с. 147 - 149]. В свете нашего анализа возникает конфликт понятий. Демократия, символизирующая Эрос (объединяющее начало), в стихотворении выступает в оппозиции к фашизму, несущему смерть по всей Европе и, таким образом, символизирующему Танатос (деструктивное начало). Но парадокс в том, что фашизм представляет собой объединяющую силу в своем этимологическом значении (от итальянского *fascio* - пучок, связка, объединение).

Шестая строфа. В связи с аллюзией на отношения Нижинский и Дягилева следует отметить вероятность двоякого прочтения строк «что сумасшедший Нижинский написал / о Дягилове / верно для каждого сердца». В одном случае эти строки могут служить отсылкой к фразе Нижинского, где тот называет Дягилева кладбищем, то есть символом реализованного Танатоса. Таким образом, Оден мог иметь ввиду фрейдистское заключение о склонности человека видеть агрессию не в себе самом, а в другом человеке. По Фрейду, корни национализма, шовинизма, расовых предрассудков кроются именно в этой склонности. Во втором случае (наиболее вероятном) Оден отсылает читателя к строкам «некоторые по-

* По нашему мнению, исследование, исходящее из сексуальной ориентации автора, имеет отдаленное отношение к литературоведению. Во всяком случае, в ряд задач статьи (не смотря на гомосексуальный аспект эротичности, присутствующий как в стихотворении, так и в теории Фрейда) интерпретация с подобных позиций не входит.

литические деятели - такие же лицемеры, как Дягилев, который не хочет всеобщей любви, а хочет, чтобы любили только его одного» [6, с. 27], что подтверждается финальной фразой строфы: «жаждет.быть одним любимым». Следовательно, «каждое сердце» стремится к тому, чтобы Эрос был направлен на него, но не быть источником Эроса. Вот в чем и заключается «ошибка, закрывшаяся в кости».

В шестой строфе встречается отсылка уже не столько к Фрейду, сколько к Платону в его исконном понимании Эроса, Эроса в первой и четвертой ступени: телесной и вселенской [7, с. 203]. Оден говорит об Эросе телесном, эгоистичном, замыкающем любовь на себе, и о невозможности и нежелании Эроса космического, выступающего как объединяющее начало. Из-за какой-то ошибки, возникшей в кости, то есть, вероятно, Оден имеет в виду - в подсознании - каждая женщина и каждый мужчина «жаждет того, чего иметь не может / не универсальной (возможно, что вселенской) любви / но быть одним любимым». То есть налицо противопоставление Эроса эгоистического и Эроса вселенского, то есть альтруистического. Отступая, заметим, что у Платона это четыре ступени одного и того же Эроса, а не его разновидности, то есть Эрос вселенский представляет собой совершенство Эроса телесного. Вот почему Оден и говорит об ошибке, о невозможности реализации эгоистического Эроса во вселенский, в универсальный.

Рассуждения в этом ключе возвращают нас к Фрейду, который делал основной упор в предотвращении войны именно на этот космический Эрос, объединяющий людей. «Роковым для рода человеческого мне кажется вопрос: удастся ли - и в какой мере - обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого сосуществования. Наше время представляет в связи с этим особый интерес. Ныне люди настолько далеко зашли в своем господстве над силами природы, что с их помощью легко могут истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они знают это, отсюда немалая доля их теперешнего беспокойства, их несчастья, их тревоги. Остается надеяться, что другая из «небесных властей» - вечный Эрос - приложит свои силы, дабы отстоять свои права в борьбе с равно бессмертным противником. Но кто знает, на чьей стороне будет победа, кому доступно предвидение исхода борьбы?» [8, с. 134]. Эти строки Фрейда были вызваны последствиями первой мировой войны. Для Одена все эти умозаключения сошлись в фокус первого сентября 1939 года, следует учесть - для Одена, уже имевшего опыт службы в санитарном батальоне во время войны в Испании.

Седьмая строфа. Начало седьмой строфы является аллюзией одновременно и на Фрейда, и на Кьеркегора. Путь «из замкнутой [консервативной] тьмы к этической жизни» можно рассмотреть как движение, по Кьеркегору, от эстетического, в этом смысле безответственного, существования к этическому с полным осознанием ответственности за свой выбор [9]. Если по Фрейду, то «тьма» у Одена символизирует бессознательное, а ведь именно оно и есть источник инстинктов жизни и смерти.

Вернувшись к основному положению психоаналитической концепции культуры, гласящему, что человек-де - враг всякой культуры, которая уже своим существованием ограничивает природное, инстинктивное в человеке, мы получим следующую двухъярусную модель: Эрос, на уровне культуры служащий объединению людей, противостоит Танатосу, который служит их самоистреблению посредством войны. Эрос на уровне психики (представляющий в данном стихотворении «эгоистическую любовь») должен был бы по логике вещей противостоять персональному Танатосу. Однако на примере стихотворения мы видим, что основное противопоставление кроется в оппозиции Эрос личный, эгоистичный (то есть Эрос уровня психики) - Эрос вселенский, универсальный, Эрос культуры. В этом то и кроется ответ «Warum Krieg?» [4, с. 325 - 337] (почему война?): войне невозможно противостоять потому, что в отношении между этими двумя Эросами закрадывается ошибка, то есть один - эгоистический - исключает другой, универсальный.

Однако на уровне психики Оден не забывает о репрессии культуры по отношению к обоим инстинктам. Утренняя клятва жителей пригорода озвучивает попытку обуздать в первом случае эротическое начало «Я буду честен с женой» и во втором - агрессивное «Я больше сконцентрируюсь на работе». Если с первым все ясно: Фрейд видел подавление эротического начала человека в ограничении объектной любви рамками супружеской пары, то со вторым не все так просто. Строка «Я больше сконцентрируюсь на работе» - это уже влияние последователей Фрейда [10], считавших, что если инстинкт агрессивности нельзя полностью искоренить, то его вектор следует направить в полезное русло, которое они видели в рвении в работе или, как у Одена, «концентрации на работе».

Восьмая строфа. Сейчас мы обратимся к ключевой строке стихотворения. Я позволю вкратить в статью анализ этой строки, данный Джулианом Барнсом в «Истории мира в 10 1/2 главах» [11]. «Жребий наш - любить или умереть», - написал У.Х. Оден, что побудило Э.М. Форстера заявить: «Поскольку он написал “жребий наш - любить или умереть”, он имеет право приказывать мне следовать за собой». Однако сам Оден был недоволен своей знаменитой строкой из «1 сентября 1939». «Это - брехня! - высказался он, - умереть нам все равно придется». Поэтому, переиздавая стихотворение, он заменил вышеприведенную фразу на более логичное «Жребий наш - любить и умереть». Позже он и вовсе убрал ее.

Эта замена «или» на «и» - одна из самых знаменитых в поэзии, Узнав о ней впервые, я восхитился неумолимой объективностью Одена-критика, скорректировавшего Одена-поэта. Если звонкая фраза таит в себе ложь - прочь ее; такой подход радует отсутствием у автора самовлюбленности. Теперь мое мнение уже не столь однозначно. Разумеется, «жребий наш - любить и умереть» выглядит логичнее; кроме того, в этом примерно столько же новизны и красоты, как и во фразах «жребий наш - слушать радио и умереть» или «жребий наш - регулярно мыть посуду, а затем умереть». Оден был прав, не слишком доверяя своей риторике, но сказать, что строка «жребий наш - любить иль умереть» грешит против истины, поскольку умирать придется всем (или поскольку те, что никого не любят, вовсе не мрут из-за этого как мухи), может лишь человек недалекий или забывчивый. Есть не менее логичные и более убедительные способы прочтения варианта с «или». Первый, самый очевидный, таков: будем же любить друг друга, ибо в противном случае мы друг друга поубиваем. Второй таков: будем же любить друг друга, ибо в противном случае, если любовь не будет придавать нашей жизни смысл, нам ни к чему и жить. Ведь утверждать, что те, кто черпает наивысшее наслаждение не в любви, а из других источников, живут пустой жизнью, что они похожи на чванливых раков, которые ползают по дну морскому, щеголяя чужими панцирями, вовсе не значит заниматься «брехней» [11, с. 185 - 186]. Барнс в данном отрывке, приведенном полностью, подмечает существенную для нашей интерпретации попытку Одена вернуться к Фрейду, хотя к моменту исправления «или» на «и» от фрейд-марксистских вещей, по свидетельству Бродского, мало чего осталось.

Строка «жребий наш любить - иль умереть» наиболее ярко показывает противостояние Эроса и Танатоса. Отсутствие Эроса позволит Танатосу полностью завладеть сознанием человека. Однако для Одена подобное умозаключение могло показаться переполненным пафосом [12] и бесосновательным с точки зрения психоанализа. Ведь Эрос и Танатос идут, как говорится, рука об руку: ни тот, ни другой инстинкт не существует в чистом виде без взаимных примесей, поэтому их взаимоисключение невозможно.

Девятая строфа. В этой последней строфе Оден прямо называет предмет своего поэтического исследования. Здесь, как и в начале стихотворения, автор перестает быть просто сторонним наблюдателем, обращаясь к собственной психической природе, которая ничем не отличается от природы других людей. Строчками «Составленный как они / из Эроса и пыли» Оден отсылает читателя и к персональному, и к универсальному Эросу. В попытке «показать утверждающее пламя» (а это пламя Эроса) мы вправе увидеть надежду поэта на победу любви над войной, жизни над смертью в масштабах человечества, победу, которая должна начаться с одного человека, с одного одинокого Эроса.

В заключение хочется признать, что стихотворение, как впрочем и любое другое творение искусства, строится по своим собственным законам, и следовательно, никакая умозрительная модель не в силах объяснить движение языка в тексте, которое и позволило Одну оторваться от убедительных конструкций Фрейда и сказать о любви и войне ярче, чем то позволяет наука. Хотя и сам Фрейд не уставал признавать: «К сожалению, перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие» [13, с. 167].

ЛИТЕРАТУРА

1. Schulman G. Mouth of the Dying Day // Nation. 6/21 /1999, Vol. 268, Issue 23.
2. Оден У.Х. «1 сентября 1939 года». Американская поэзия в русских переводах. XIX - XX вв. Сост. С.Б. Джимбинов. На англ. яз. с параллельным русск. текстом. - М.: Радуга. ~ 1983 - 672 с.
3. Miller J. Auden's September 1, 1939 // Explicator. Winter 2004, Vol. 62, Issue 2.
4. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия: Пер с нем. / Сост., глоссл. и коммент. А.А. Гугнина. - М.: Прогресс, 1992. - 569 с.
5. Фукидид. История.-Л.: Наука, 1981.
6. Diary of Vaclav Nijinsky. - New York, 1936.
7. Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991. - 525 с. - (Мыслители XX века),
8. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. - Мд Ренессанс, 1991. - 296 с.
9. Кьеркегор С, Наслаждение и долг, - Киев, 1994,
10. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. - New York, 1973,
11. Барнс Дж, История мира в 10V₂ главах // Иностранная литература. - № 1. ~ 1994. - С. 67 - 232.
12. Bloomfield B. W.H. Auden: a Bibliography. -New York, 1964.
13. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Вопросы литературы. - № 8. ■- 1990. - С. 167 - 185.